

Институт всеобщей истории Российской академии наук

Научный и издательский центр «Наука» РАН

Научная библиотека Московского государственного
университета им. М. В. Ломоносова

Содержание

Предисловие	7
Theodore Karjavine и его парижский альбом	11
Вместо историографического введения	11
Русский парижанин	23
В России (1765–1773)	53
Опять Париж (1773–1776)	58
На родине (1788–1812)	62
«Виды старого Парижа»	66
Визуальный ряд парижского альбома	74
Дневник, путеводитель, архитектурное пособие?	86
«Краткое разсуждение о Кремлевском строении» и парижский альбом Каржавина	90
Книжное знание или личный опыт?	95
Новый французский «вкус» в архитектуре	102
Тюрьмы, казни, каторжники	108
Св. Дионисий Парижский, апостол Галлии	114
Железная маска	119
Варфоломеевская ночь	121
Революция	124
Повседневный Париж глазами студента Сорбонны	139
Адреса, люди, дворцы, чердаки	144
Чувство места	154

Приложение. Виды старого Парижа	
Археографическое предисловие	160
Список сокращений, использованных в комментариях	163
Альбом Ф.В. Каржавина «Виды старого Парижа» (публикация)	166
Комментарии публикатора	197
Список источников и литературы	253
Список иллюстраций	270
Указатель имен (<i>сост. Ольга Понизова</i>)	277
Указатель топонимов (<i>сост. Ольга Понизова</i>)	286
Summary	295

Предисловие

В ряду известных нам печатных и рукописных описаний Парижа, оставленных русскими путешественниками XVIII века, альбом Ф.В. Каржавина занимает совершенно особое место. Само сочетание изобразительного и описательного, достаточно редкое в русской рукописной традиции этого столетия, не может не привлечь к нему внимания.

Ни по форме, ни по содержанию парижский альбом не похож на *путевой журнал* жадного до всего нового путешественника, а его автор вряд ли ощущал себя таковым в городе, где вырос, получил образование, пропитался западноевропейской культурой, сформировался как личность. Нет в альбоме Каржавина и обычного для описаний путешествующих противопоставления знакомого и чужого: все, что он видел в Париже, воспринималось как «свое», привычное, не вызывающее особого удивления. Да и сравнивать ему, в общем-то, было не с чем. Судя по всему, он плохо помнил родной дом и тем более город, откуда был вывезен семилетним ребенком, и если скучал, то только по своей семье. Когда двадцатилетний образованный «русский парижанин», почти позабывший родной язык, покидал Париж, его жизненный багаж состоял из школьных знаний, полученных в Сорбонне, живых воспоминаний и сердечных привязанностей, оставленных в этом городе. А еще молодого человека окрыляла надежда принести пользу своему отечеству, которого он, в сущности, не знал.

Важно отметить, что описания Парижа в альбоме Каржавина почти лишены присущих первооткрывателям»

впечатлений от увиденного. Их автор явно предпочитал эмоциям книжное знание (парижские легенды — не исключение) и личное свидетельство. Это отнюдь не делает из него равнодушного или недостаточно внимательного наблюдателя окружающей жизни. Помимо собственно парижского альбома Каржавин оставил немало других разрозненных свидетельств, которые позволяют нам лучше понять, как он воспринимал то, что видел в Париже своими глазами или узнавал из книг, как он осмысливал свое положение в мире, в котором оказался волею судеб и который стал ему родным.

Еще одна особенность парижского альбома — его связь с именем архитектора В. И. Баженова, что делает этот памятник особенно ценным документом по истории русской архитектуры. Альбом создавался в бытность Каржавина помощником Баженова на строительстве нового Кремлевского дворца. Здесь помимо прочих обязанностей он преподавал в архитектурной школе при Модельном доме, «изъяснял» будущим русским зодчим, «откуда произошла красивая Архитектура», и знакомил их с выдающимися образцами французского градостроительства. Наиболее плодотворным оказалось его сотрудничество с Баженовым в области теории архитектуры. Каржавин переводил классические архитектурные трактаты, составлял учебные пособия, словари архитектурных терминов — все это подспудно стимулировало формирование и введение в оборот нового для России языка архитектурных понятий. Разумеется, в его трудах по архитектуре не могли не отразиться теоретические взгляды Баженова, и настоящая публикация парижского альбома, несомненно, даст новый импульс исследованиям творчества выдающегося русского архитектора.

Наконец, важно отметить наличие в альбоме разных хронологических срезов, позволяющее проследить

эволюцию взглядов Каржавина в историческом контексте. Помимо основного корпуса, который датируется началом 1770-х годов, альбом содержит дополнительные включения, корректирующие описание Парижа в свете событий Французской революции.

Структура настоящего издания определяется стремлением полнее осмыслить публикуемый здесь визуальный источник: с одной стороны, как редкое свидетельство культурной рецепции историко-архитектурного облика французской столицы 1760–1770 и 1790-х годов; с другой — как отражение состояния архитектурной теории в России второй половины XVIII века.

Публикацию альбома «Виды старого Парижа» предвещает исследование, которое знакомит с парижской биографией Каржавина, освещает историю создания альбома, анализирует его содержание. Текст альбома воспроизводится впервые полностью вместе с гравированными видами Парижа. Комментарий публикатора к альбому также снабжен визуальным материалом, это касается тех случаев, когда Каржавин упоминает несохранившиеся (или невидимые на гравюре) архитектурные объекты.

* * *

Подготовка к изданию велась при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант РГНФ № 08-01-00212а; № 11-21-17001). Моя отдельная благодарность Дому наук о человеке (Maison des sciences de l'homme, Paris) за финансовую поддержку, позволившую мне работать в фондах парижских библиотек и, что особенно ценно, иметь возможность воссоздавать в реальности маршруты героя моего исследования по городу и предместьям. Трудно переоценить также возможность личного общения с французскими коллегами — Владимиром Береловичем, Франсуа и Мари Авриль, Жоржем Дюлаком, Ольгой

Медведковой и всеми, кто оказывал мне консультативную помощь в разыскании материалов, связанных с парижской биографией Каржавина.

Рукопись книги обсуждалась в Центре по изучению XVIII века Института всеобщей истории РАН. Также чрезвычайно полезным для меня оказался опыт презентации моих разысканий в Секторе XVIII века Пушкинского Дома и в междисциплинарном научном семинаре «Проблемы художественной культуры XVIII века» в Государственном институте искусствознания в Москве. Считаю приятным долгом поблагодарить всех моих коллег и друзей, неизменно поддерживавших меня в работе, особенно тех, кто брал на себя труд читать на разных стадиях готовности рукопись и обсуждать ее со мной, — Надежду Юрьевну Плавинскую, Сергея Яковлевича Карпа, Елену Борисовну Смилянскую. Моя глубокая признательность рецензентам этой книги Анне Сергеевне Корндорф и Юлии Гаврииловне Клименко за их профессиональные советы и ценнейшие замечания.

Разумеется, исследование не могло бы успешно продвигаться без благожелательных, всегда готовых прийти на помощь сотрудников российских архивов, музеев и библиотек — приношу им всем свою сердечную благодарность. Наконец, было бы несправедливо не сказать здесь слова благодарности моим близким, которые неустанно поддерживали меня на всем пути, стойко перенося неудобства и сложности жизни, почти всегда сопутствующие процессу рождения книги.

Г. А. Космолинская

Theodore Karjavine и его парижский альбом

*...американский житель;
парижский воспитанник,
петербургский уроженец;
в родине не свой;
в сем мире чужой,
в боге упокоюсь
аминь*

Ф.В. Каржавин о себе¹

Вместо историографического введения

Сегодня о петербургском разночинце Федоре Васильевиче Каржавине (1745–1812) известно немало. Он вырос в Париже и получил образование в Сорбонне, был придирчивым читателем Вольтера и прилежным учеником Декарта, хорошо усвоившим, что «первое из удовольствий есть удовольствие знать»². Мы знаем его как переводчика, лексикографа, автора новаторского учебника французского

¹ Запись на последнем листе венецианского издания трактата Пьетро де Крешенци «Il Libro della agricultura» (Venezia, 1519) — экземпляр РГБ (МК: инв. 2059).

² «Le premier des plaisirs c'est celui de connoitre» — строка из поэмы Ж. Делиля «Eπίtre sur les Voyages», подчеркнутая Каржавиным в «Journal encyclopédique» (1765, t. 7, part. 2, p. 104); здесь же рецензия на два похвальных слова Декарту (р. 51, 60–61) со следами его чтения — экземпляр РГБ (МК: инв. IX-6360-6373), см. также: Полонская И. М. Книги из библиотеки и с автографами Ф.В. Каржавина в собрании Отдела редких книг // Труды ГБЛ. Т. 14: История книги. Работы Отдела редких книг. М., 1978. С. 139.

языка, научного редактора (как бы сказали сейчас) и многогранного комментатора. Он рано заболел «манией чтения» и начал собирать свою замечательную библиотеку в Париже, будучи еще очень молодым человеком, а позже пробовал себя и в книгоиздательстве. Человек авантюрного склада, он много странствовал по Старому и Новому Свету, но связь с Парижем не порывал никогда.

Фигура Каржавина не перестает привлекать к себе внимание специалистов, занимающихся изучением историко-культурного наследия Просвещения. Документальные свидетельства его жизни, рассеянные по российским и зарубежным библиотекам и архивам, в действительности могли бы обеспечить изучение этой эпохи по самым неожиданным направлениям. Личность и наследие Каржавина влекут к себе не только историков. Его неординарную биографию не раз пытались воплотить в художественных произведениях¹, а книжное собрание не оставляет в покое уже несколько поколений библиографов и коллекционеров.

Судьба Каржавина в советской историографии сложилась ожидаемо причудливо: выходец из старообрядческой среды, социально чуждый и потому не подходивший на роль настоящего «революционера», с самого начала оказался под подозрением у историков-марксистов. Игнорировать классовый подход не удавалось даже такому знатоку XVIII века, как Яков Лазаревич Барсков (1863–1938), который рецензировал в 1934 году рукопись монографии о Каржавине только что вернувшегося в Ленинград после первого ареста Б.И. Коплана (речь о нем пойдет ниже).

¹ Петров П. Н., Клюшников В. Семья вольнодумцев: Историческая повесть времени Екатерины Великой. СПб., 1872; Давыдов Ю. В. Неувядающий Теодор: Повесть о Ф. В. Каржавине. М., 1986; Он же. Волонтер свободы: повести. М., 1988; Демин Д. История странствий Теодора Лами, русского флибустьера // Вокруг света. 1996. № 9. С. 54–61; № 10. С. 71–78; и др. См. также документальный фильм «Жизнь и деяния Федора Каржавина» (Центрнаучфильм, 1984). <https://www.youtube.com/watch?v=6qW94cxb8ok>.

Барсков писал, что следует «отказаться от причисления семьи Каржавиных к „отцам русского либерализма“, „просветителям“, „революционерам“», и добавлял: «Бесспорно впрочем, что это очень интересная и во многом „показательная“ семья для истории русской буржуазии»¹. Но монография Коплана так и осталась неопубликованной.

Через тридцать лет, когда о Каржавине стали много и охотно писать, проявилась другая крайность — соблазн сделать из него «второго Радищева». Попытки представить его «революционером», «философом-материалистом», «последовательным атеистом», «многогранным ученым» и даже «крупнейшим теоретиком архитектуры XVIII века в России (а пожалуй, и не только в России)»² не могли не вызывать возражений среди историков и в конце концов вылились в публичную дискуссию об общественно-политических взглядах Ф. В. Каржавина³. К тому времени появились уже публикации, которые опирались на новые источники и содержали более взвешенные трактовки, оценки и выводы; таким образом, тенденция в историографии постепенно начала меняться⁴.

¹ РНБ ОР. Ф. 370 Б. И. Коплан — С. А. Коплан-Шахматова. № 55. Л. 5, л. Я. Л. Барсков сам принадлежал к старообрядцам поморского согласия (беспоповцам); с 1928 г. член Научного общества марксистов. Отказывая Каржавину в религиозном свободомыслии, он писал, что тот «не шел далее деизма и пренебрежительного отношения к церкви, какое было еще у деда его, беспоповца Никиты Тимофеевича, в доме которого и брачующихся венчали, и детей крестили „наставники“, „старцы“, „простые мужики“, но не „рукоположенные попы“» (л. 12).

² Рабинович В. И. Революционный просветитель Ф. В. Каржавин. М., 1966. С. 60 и др.; *Он же*. Вслед Радищеву... Ф. В. Каржавин и его окружение. М., 1986.

³ Вопросы истории. 1987. № 12. С. 159–168.

⁴ Новые тенденции в освещении жизни и деятельности Каржавина отражены в работах: *Старцев А. И.* Был ли Каржавин другом Радищева? // Вопросы литературы. 1971. № 4. С. 168–173; *Болховитинов Н. Н.* Был ли Ф. В. Каржавин американским «корреспондентом» Н. И. Новикова? // Вопросы истории. 1986. № 4. С. 170–172; и др.

Между тем в этой действительно незаурядной биографии остается еще много неясного. Достаточно сказать, что у нас до сих пор нет достоверного изображения Каржавина, притом что его «портрет», пущенный в обиход без какой-либо атрибуции и провенанса автором концепции «Каржавин — второй Радищев»¹, кочует из публикации в публикацию и украшает статью в *Википедии*. Принимать его в расчет, как бы этого ни хотелось, мы не можем.

Другое предполагаемое изображение Каржавина — миниатюра из Русского музея «Портрет неизвестного офицера армейской пехоты» (1792) — до сих пор остается неподтвержденной гипотезой. Миниатюра приписывается художнику И. А. Ерменеву, с которым Каржавин близко сошелся в Париже². Предположение, что на ней изображен Ф. В. Каржавин, в свое время высказал автор монографии о Ерменеве Алексей Николаевич Савинов (1906–1976)³. Но поскольку Каржавин не был ни «офицером армейской пехоты», ни вообще военным, ученый подчеркивал, что в данной атрибуции «нельзя быть уверенным до обнаружения бесспорного <...> портрета [Каржавина] для сопоставления с миниатюрой 1792 года» (ил. 1)⁴. В то же время отметим тщательно выстроенную аргументацию Савинова — не только с опорой на документальные свидетельства, но и с учетом известной склонности Каржавина к мистификациям подобного рода. Во всяком случае, сегодня гипотеза ленинградского ученого остается

¹ В. И. Рабинович в своей книге «Вслед Радищеву...» (1986) поместил целых два «портрета» Каржавина (один парный — с женой), но оба без атрибуции.

² Существует иная, также неподтвержденная точка зрения, что автором миниатюры мог быть Петр Герасимович Жарков / Жерков / Жаркой (1742–1802), см. Рыбалка А. А. Казус Ерменева: портрет неизвестного (6 января 2016 г.) — блог на платформе *Живого журнала*: (anrike.livejournal.com).

³ Савинов А. Н. Иван Алексеевич Ерменев. Л., 1982. С. 170.

⁴ Там же.

Ил. 1. Портрет неизвестного офицера армейской пехоты (1792) — гипотетический портрет Ф. В. Каржавина

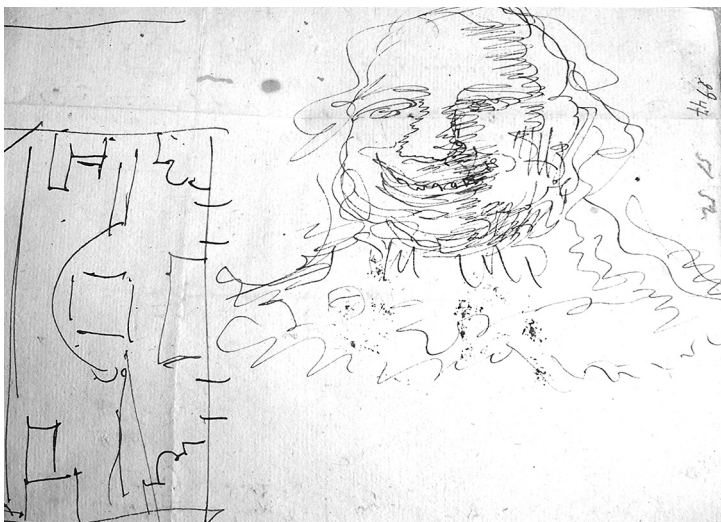
единственной аргументированной и продолжает вызывать споры, поскольку есть с чем спорить¹.

У нас по-прежнему нет «бесспорного портрета для сопоставления». Но исследовательская оптика, настроенная определенным образом с учетом гипотезы Савинова, способна вдруг обнаружить, казалось бы, в уже не раз виденном «смеющемся мужчине» — рисунке Каржавина (ил. 2) из Пушкинского Дома² — физиогномическое сходство с «неизвестным офицером» из Русского музея. Если принять во внимание это сходство, а также оборотную сторону листка, где между строк крамольной оды Г. Р. Державина «Властителям и судиям»³ вписана лежащая

¹ См. детально обоснованные возражения Андрея Рыбалки (anrike.livejournal.com); к сожалению, и здесь не обошлось без «портрета» Каржавина, введенного в оборот В. И. Рабиновичем. Позже в своей книге о Сулакадзе автор поместил в качестве «сугубо предположительного» портрета Каржавина миниатюру из Русского музея (Рыбалка А. XIII класс Сулакадзе: Источниковедческое историческое исследование. М.; Екатеринбург, 2018. С. 89).

² ИРЛИ РО. Ф. 93 Собр. П. Я. Дашкова. Оп. 2. № 100. Л. 47 об.

³ «Якобинская» по своему пафосу ода Державина, впервые опубликованная в 1787 г. в журнале «Зеркало света» (читателем которого был Каржавин), находилась «под цензурным подозрением», см.: Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. СПб., 1864. Т. 1. С. 11; см. также: Мартынов И. Ф. Русские журналы XVIII века и их читатели // Распространение печати. 1975. № 8. С. 41–42.

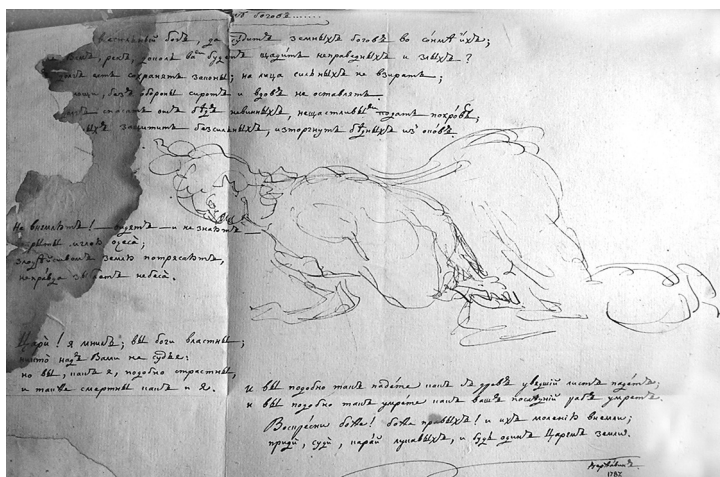
Ил. 2. Смеющийся мужчина — рисунок Ф.В. Каржавина, не ранее 1787 г.

(упавшая?) фигура полуодетой женщины (ил. 3), то невольно возникает мысль о гротескном автопортрете¹.

Но пока мы вынуждены признать: единственным источником, дающим хотя бы какое-то представление о внешности Каржавина, остается паспорт, выданный ему французскими властями для поездки на остров Мартиника. Согласно этому документу, датированному 1776 г., «тридцатидвухлетний уроженец Петербурга» имел «рост около пяти футов и двух с половиной дюймов, волосы и брови темно русые, лицо овальное, полное»². Немного для портрета. Сделать образ «русского парижанина» эпохи Просвещения более отчетливым скорее помогут его мысли, облеченные в слова, и дела, воссоздать которые, надеюсь, поможет эта книга.

¹ См.: Космолинская Г.А. К вопросу о портрете Ф.В. Каржавина // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2003–2004 годы. СПб., 2007. С. 140–143 (иллюстрации на вклейке между с. 692–693).

² «<...> âgé de trent deux ans, taille d'environ cinq pieds deux pouces et demi, cheveux et sourcils châains, visage ovale, plein» — ИРЛИ РО. Ф. 93. Оп. 2. Д. 100. Л. 272.

Ил. 3. Ода Г.Р. Державина *Властителем и судиям* — автограф Ф.В. Каржавина, не ранее 1787 г.

Настоящее издание — первая публикация альбома Ф.В. Каржавина «Виды старого Парижа», который ныне хранится в рукописном фонде Научной библиотеки Московского государственного университета. Отсутствие исследований, связанных с этой рукописью¹, позволяет заменить традиционный историографический обзор обширным перечнем литературы о Каржавине, который читатель найдет в конце книги. При этом не могу не сказать, что испытываю глубокую благодарность к моим предшественникам, труды которых всегда оставались для меня ценнейшим подспорьем в работе.

Все же одно исключение, считаю, здесь уместно будет сделать. Я имею в виду первую полноценную биографию Ф.В. Каржавина, так и не увидевшую свет, но долгие годы служившую источником и прочным основанием немалому числу исследователей, к ней обращавшихся. Хочется верить, что напоминанием об этой

¹ Единственная на сегодняшний день статья, посвященная атрибуции рукописи, носит ознакомительный характер: Космолинская Г.А. Незвестный альбом Ф.В. Каржавина «Виды старого Парижа» // Панорама искусств. М., 1989. № 12. С. 338–352.

работе будет восстановлена несправедливо прерванная нить научного поиска и удастся хотя бы отчасти исполнить наш долг по отношению к памяти ученого, разделившего трагическую судьбу миллионов своих соотечественников.

Борис Иванович Коплан (1898–1941/1942?), выпускник историко-филологического факультета Петроградского университета, текстолог, библиограф, автор ряда работ о русских писателях XVIII–XIX веков, более десяти лет своей короткой жизни отдал Рукописному отделу Пушкинского Дома. Благодаря его усилиям и научной компетенции в фонды Отдела поступило свыше тридцати рукописных коллекций и архивов, в том числе автографы Г. Р. Державина, Львовых, А. С. Пушкина, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого. Стихотворение двадцатипятилетнего Б. И. Коплана «Пушкинскому Дому» передает совершенно особую атмосферу Дома, ставшего ему родным, и отношение к Делу, которому он служил:

В старинных комнатах мы шутим иногда,
Благоговенья к ним исполненные дети.
Нет ничего для нас отраднее на свете,
Как вспоминать минувшие года
Не нашей жизни, нет. — Столетьем отдаленны,
Мы возвращаемся в мечтах, как наяву,
В век Александровский, священный, просвещенный,
Судивший нам и лиру, и сову.
Иных годин настигла нас чреда.
И, современные, мы — что ж — несовременны.
Но ждут нас подвиги. И в мыслях неизменны,
В старинных комнатах мы шутим иногда¹.

В 1929 году во время академической «чистки» ученого сначала уволили с работы, затем арестовали и в марте 1931-го приговорили к трем годам ссылки в Ульяновск.

¹ Коплан Б. Старинный лад: Собрание стихотворений (1919–1940). М.: Водолей, 2012 (Серия: Серебряный век. Паралипоменон).

Там он служил статистиком на крахмальной фабрике, позже был переведен в Мелекесс. Вернувшись в ноябре 1933 года в Ленинград, он пытался продолжать работать: участвовал в различных изданиях, в 1940-м даже стал главным редактором «Древнерусского словаря». Но в 1941 году был вновь арестован и 9 декабря 1941-го (по другим сведениям, в 1942-м) расстрелян; реабилитирован посмертно.

В ульяновской ссылке Коплан сумел завершить прерванную работу над монографией, дав ей пространное название, стилизованное под XVIII век: «Иван Бах российский доктор, или Федор Васильевич Каржавин, русский американец, разных языков публичный учитель, в Кремлевской экспедиции архитекторский помощник, в Иностранной и Морской коллегиях актуариус и переводчик. Его жизнь, путешествия и приключения в Старом и Новом свете. 1745–1812 гг. По опубликованным и архивным документам <...>. Ульяновск (Симбирск) 1932 г.»¹

Очевидно, судьба Каржавина, ставшего свидетелем мировых потрясений своего века, скитальца, отважно преодолевавшего расстояния и личные невзгоды, находила естественный отклик в душе ссыльного ученого. Работа над его биографией позволяла хотя бы мысленно вернуться в те самые «старинные комнаты», где право «шутить» оставалось неотъемлемым. Свой труд Коплан посвятил жене и помощнице, Софье Алексеевне Коплан-Шахматовой (1901–1942), ненадолго его пережившей².

В Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (РНБ) в Санкт-Петербурге хранится, помимо рукописной монографии Коплана, ее машинописный

¹ РНБ ОР. Ф. 370. № 5.

² «Посвящаю с любовью и радостью солнечному другу моему Софьюшке, зимою 1931 года вернувшей меня к этому труду, начатому и прерванному в 1929 г. в Ленинграде и оконченному в 1931 году в г. Ульяновске—Симбирске»—Там же. Л. 2.

вариант под другим, более «академическим» названием: «Из истории литературы и культуры второй пол. XVIII в.: Федор Васильевич Каржавин»¹. Появлению этого варианта предшествовал уже упоминавшийся отзыв Я.Л. Барскова от 8 мая 1934 года, замечания которого автор постарался учесть. Отзыв маститого ученого, в целом положительный, содержал рекомендации относительно того, как «изменить план книги <...> чтобы устранить перебои, нарушающие общий ход изложения», и пересмотреть оценки, которые Коплан, «став на <...> ложный путь», давал личности Каржавина и его трудам². При всем при том Барсков не мог не отметить главного достоинства рецензируемой работы—собранный в ней «превосходный материал, частью уже известный, но в значительной степени публикуемый впервые». Автор блестяще справился с задачей «дать возможно большее количество интересного материала», резюмировал Барсков и подчеркивал: «не только нельзя пожертвовать ни одним из публикуемых им документов, но желательно увеличить их число, если они имеются в архивах, хорошо автору известных»³.

После первых основательных публикаций материалов из архива Ф.В. Каржавина, предпринятых в 1870-е годы П.П. Пекарским, Н.П. Дуровым, П.И. Бартеневым и другими, ленинградский ученый действительно сумел не только аккумулировать результаты разысканий своих предшественников, но и существенно обогатить их новыми материалами. Недаром в названии его монографии значится: «по опубликованным и архивным документам». Достаточно сказать, что «Записка парижского

¹ РНБ ОР. Ф. 370. № 6.

² Там же. № 55. Л. 2–3, 5.

³ Там же. Л. 9. Здесь и далее подчеркивания в тексте принадлежат автору отзыва.

книгопродавца о Федоре Каржавине» (1760) долгое время была известна исследователям только благодаря неопубликованной монографии Коплана, где она приведена в русском переводе¹, а голландский дневник Каржавина «Voiage [sic] d'Hollande en 1773. 16. VII», из которого Н.П. Дуровым в свое время был опубликован лишь небольшой отрывок в русском переводе², помещен полностью на французском языке параллельно с русским переводом³. Исследователей жизни и творчества Каржавина не перестает интересовать документальный потенциал замечательной монографии Коплана. Отметим также отсутствие в ней идеологических штампов, избежать которых в те времена (да и позже) удавалось немногим.

К сожалению, труд Коплана до сих пор остается незаслуженно забытым. Исследователи, обращавшиеся к нему как к ценнейшему источнику, почти не упоминали имени автора. Обойден молчанием вклад Коплана в изучение парижских писем юного Каржавина к отцу, хранящихся в Дашковском собрании Пушкинского Дома⁴, из которых восемь были опубликованы полвека спустя в солидном академическом издании⁵. Никаких

¹ РНБ ОР. Ф. 370. № 5. Французский подлинник этого документа, обнаруженный в АВПРИ, опубликован: *Космолинская Г.А.* Русский студент в Париже XVIII века: новые данные к биографии Ф.В. Каржавина // *Новая и Новейшая история.* 2020. Вып. 4. С. 157–178.

² Федор Васильевич Каржавин: его жизнь и похождения в старом и новом свете, 1745–1812 гг. / Сообщ. Н.П. Дуров // *Русская старина.* 1875. Т. 12. № 2. С. 297.

³ РНБ ОР. Ф. 370. № 5. Л. 75–100. Оригинал голландского дневника хранится в собрании П.Я. Дашкова (ИРЛИ РО Ф. 93. Оп. 2. № 101).

⁴ ИРЛИ РО. Ф. 93. Собр. П.Я. Дашкова. Оп. 2. № 100–101.

⁵ Ф.В. Каржавин. Письма отцу / Публ. и коммент. С.Р. Долговой // *Письма русских писателей XVIII века.* Л., 1980. С. 224–241; на с. 239 в единственной ссылке на монографию Коплана номер единицы хранения указан ошибочно «5» (нужно: № 6, л. 35–39).

сведений о работе Коплана не найдем мы и в статьях о Ф.В. и Е.Н. Каржавиных в «Словаре русских писателей XVIII века» (СПб., 1999). Редкие вскользь упоминания о его монографии, которая «не могла быть опубликована» якобы «из-за войны» или «по объективным причинам», создавали впечатление, что ее значимость была не слишком велика¹. Здесь уместно будет еще раз напомнить оценку, которую дал монографии Коплана (только что вернувшегося из ссылки!) Барсков, несмотря на ряд критических замечаний признававший: «<...> книга его, несомненно, явится ценным вкладом в историю русской литературы и общественности XVIII в.»² Также Григорий Александрович Гуковский, отстаивая ценность работы своего коллеги и друга³ (незадолго до его второго ареста и гибели) в программной статье к сборнику «XVIII век», писал: «<...> богатый архивный и забытый печатный материал о Федоре Каржавине, давно ждущий своего опубликования и напоминания о себе, составит яркую страницу в истории русской культуры и литературы XVIII века»⁴.

¹ Алексеев М.П. Филологические наблюдения Ф.В. Каржавина (Из истории русской филологии в XVIII в.) // Уч. зап. ЛГУ. 1961. № 299. Сер. филолог. наук. Вып. 59. С. 9; Долгова С.Р. Творческий путь Ф.В. Каржавина. Л., 1984. С. 5, зд. же — «глухие» ссылки на рукопись Коплана: с. 36 прим. 13 (номер ед. хр. «5» указан ошибочно, нужно: № 6), прим. 28 (место хранения «ГБЛ» указано ошибочно, нужно: ГПБ), прим. 31; с. 38 прим. 65 (номер ед. хр. «5» указан ошибочно, нужно: № 6); с. 41 прим. 106, и др.

² РНБ ОР. Ф. 370. № 55. Л. 9–10.

³ «Стансы» Коплана, посвященные Гуковскому, начинаются словами: «С тобой, о друг, поем, поем, / Старинной лирою бряцаая, / И, Серафимов созерцаая, / Творим восторженный псалом <...>».

⁴ Гуковский Г.А. Проблемы изучения русской литературы XVIII века // XVIII век. М.; Л., 1940. Сб. 2. С. II. Г.А. Гуковский (1902–1950) дважды был арестован: в 1941 г. (отпущен через несколько месяцев) и в июле 1949 г., во время «борьбы с космополитами»; умер от сердечного приступа в московской тюрьме Лефортово.